
Новая роль российского радио в 1917 г.

Николай Митрофанов

Russian radio in 1917

Nikolay Mitrofanov

(Moscow, Russia)

DOI: 10.7868/S0869568718030068

В начале 1917 г. Россия располагала примерно 1 тыс. радиостанций, принадлежавших главным образом военному и морскому ведомствам. Подавляющая их часть находилась на европейской территории страны – на фронтах войны с Германией и в ближайших тылах. Радиотелеграммы передавались азбукой Морзе, по условиям военного времени тексты подвергались непрерывной шифровке. Так называемые открытые передачи («клером») велись только с разрешения командования, оценивавшего уровень секретности передаваемой информации.

Наиболее мощными были станции международных сношений в Царском Селе под Петроградом (300 кВт), Москве (Ходынское поле) и Николаеве (по 100 кВт), предназначенные для поддержания регулярной связи со странами Антанты. В Твери находилась крупная станция, специализировавшаяся на перехвате иностранной радиокорреспонденции¹. В числе значимых числилась радиостанция Морского Генерального штаба (25 кВт), располагавшаяся в центре Петрограда на острове «Новая Голландия». Она осуществляла связь со штабами Балтийского и Черноморского флотов, с базами Балтийского флота – Гельсингфорсом и Ревелем, с крепостями – Кронштадтом и Свеаборгом².

В условиях огромной России технический уровень радиотелеграфа эпохи длинноволновых устройств не мог обеспечить функционирование радио как средства связи всеобщего характера. Даже в рамках одного ведомства он не составлял единой моментально срабатывающей системы: радиотелеграмма, даже переданная максимальной мощностью, не могла быть принятой всеми станциями одновременно. Этому препятствовали дальность расстояний и отсутствие усилительных устройств³.

© 2018 г. Н.Н. Митрофанов

¹ Об отдельных важных моментах становления связей России с крупными радиостанциями европейских союзников см.: *Митрофанов Н.Н.* Прямая радиосвязь Россия–Франция: первые планы и результаты / Мир источниковедения. Сборник в честь С.О. Шмидта. М.; Пенза, 1994. С. 143–146.

² В российской армии, обладавшей более чем 300 радиостанций, вооружение средствами радиосвязи было доведено до звена корпус–дивизия. Рации небольшой мощности (до 0,75 кВт) применялись в полках, ротах и эскадронах. Свыше 200 радиостанций имелось в авиации, около 500 – в распоряжении военно-морских сил. Возможность установки радио зависела от водоизмещения судна (преимущественно это были рации мощностью 2 кВт). Малые корабли боевого состава оснащались станциями, когда на них располагались штабы. Станции гражданского ведомства находились в 20 пунктах на побережьях северных и восточных морей.

³ Технические особенности раций разных типов (например, армии: крепостные, полевые, автомобильные, кавалерийские и т.д.) затрудняли точную характеристику дальности и надёжности действия каждой конкретной рации, тем более что эффективность функционирования этих устройств во многом зависела от высоты антенны, характера местности, времени суток (ночью возможности приёма существенно повышались), качества аппаратуры, детектора, искусства радиста. С учётом радиотелеграфной практики дальность действия станций можно представить так: надёжный приём от рации 2 кВт обеспечивался в среднем на расстоянии 300–400 км, 5 кВт – 600–700, 8 кВт – 800–1000, 100 кВт – 2000, 300 кВт – 3000 км и более.

Разобщённость радиотелеграфа не позволяла уверенно прогнозировать его становление и развитие как единого целого. Радиосвязь носила, главным образом, круговой характер — маломощным станциям помогали более крупные, бравшие на себя функции посредника-ретранслятора и отправителя депеш, которые «перебрасывались» по цепочке на дальние расстояния. По этому принципу действовала сеть как европейского региона, так и восточного от Анадырской округи до Владивостока (западный пункт — Чита).

В военных кругах к тому времени оформились две точки зрения на предназначение радиотелеграфа. Сухопутное командование считало, что он является вспомогательным средством связи, дублирующим и подстраховывающим проводной телеграф. Это мнение не смогли поколебать даже случаи его весьма успешного применения, например, во время наступления 12-й армии под Ригой в августе 1916 г., где радио выполняло функции основного средства связи. Иначе смотрело на дело морское ведомство, которое энергично совершенствовало собственный радиотелеграф, заботилось о расширении его исследовательской и производственной базы, обучении специалистов, готовя создание единой сети Север — Балтика — Черноморье.

Революционные события февраля—марта 1917 г. отразились в радиопередачах со вполне понятным отставанием. Сложившийся порядок управления деятельностью станций, их цензурная изолированность от общества препятствовали использованию материалов газет и информационных агентств. Лишь в первых числах марта радиотелеграф начал принимать на себя новую общественно-политическую функцию. На это повлияли два события: объединение его работников в радиотелеграфную секцию при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов и отмена предварительного утверждения текстов радиотелеграмм контролирующими инстанциями.

Царскосельская, центральная морская («Новая Голландия») и Петроградская (на ст. Жерновка) радиостанции передали в качестве открытых текстов приказ № 1 Петросовета по гарнизону столичного округа, декларацию Временного правительства, документы об отречении от престола Николая II и его брата Михаила, а также другие официальные акты. 9 марта в протоколе заседания исполкома Петросовета указывалось: «Решено разослать радиотелеграммы во все города с предложением арестовать Николая Романова и вообще принять ряд чрезвычайных мер»⁴. В радиограмме немецкой станции Ганновера тогда же подчёркивалось: «Совет рабочих депутатов прочно занял положение второго правительства с действительным преобладанием над настоящим министерством... Совет солдатских и рабочих депутатов продолжает агитировать, причиняет большие затруднения правительству, которое выпускает массу прокламаций, предназначенных указать на опасность этой агитации... Невозможно одновременно производить в стране революцию и продолжать вовеки вести войну неослабевающей силой, не упуская при том из вида влияние, которое имеют огромные массы миролюбивых рабочих и крестьян»⁵.

Радиопередачи Петрограда повторяли военные и морские рации России, дополняя их документами местных демократических организаций. Активное участие в обмене новостями Балтики приняла Кронштадская станция, Севастополь и Одесса передали сообщения о революционных событиях для юга России,

⁴ Пролетарская революция. 1923. № 1(13). С. 328—329. Далее даты приводятся по старому стилю, принятому в России до 1 февраля 1918 г.

⁵ ГА РФ, ф. 1235, оп. 78, д. 5, л. 11—13.

Черноморского флота и русской армии на Салоникском фронте⁶. Недовольство радиogramмами о революционных событиях содержалось в телеграмме из Петрограда командиру Финляндского радиодивизиона. «С первых чисел марта, — подчёркивалось в ней, — Выборгская радиостанция занимается неслужебными нешифрованными переговорами, вызывая другие радиостанции, что отмечено здесь на слезечных станциях»⁷.

В формирующемся аппарате военно-морского министерства спонтанно возник радиотелеграфный отдел. Создавший его бывший начальник станции финляндского радиодивизиона капитан К.Э. Родер развил бурную деятельность — до 5 марта он разослал около 50 документов: срочные запросы на станции о том, с какими пунктами они держат связь, предписания о передаче ряда текстов по радио, о замене начальников на Петроградской и Кронштадтской станциях и др. Была организована установка в Таврическом дворце радиостанции для обслуживания Петросовета. За ней впоследствии закрепили функции наблюдения и контроля за передачами.

Политический и пропагандистский эффект радиотелеграмм, захлестнувших армию и флот, вызвал отрицательную реакцию командования. Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал А.А. Брусилов телеграфировал 10 марта в Ставку: «Радиотелеграммы, не будучи зашифрованными, попадают в войска и становятся известными ранее передаваемых официально по команде распоряжений, что вызывает предположение, что воззвания и распоряжения правительства передаются с замедлением, а кое-что и совсем не передаётся. При таком способе передачи содержание радиотелеграмм становится известным противнику, который в свою очередь может использовать радиостанции для внесения в наши ряды смуты, распространяя ложные распоряжения. Усиленно прошу... во имя боевого успеха за радиотелеграфом сохранить значение исключительно военного средства связи и безусловно воспретить передачу телеграмм без шифра»⁸.

На следующий день генерал В.Н. Клембовский направил военному и морскому министру А.И. Гучкову записку от имени Ставки схожего содержания: «Царскосельской мощной радиостанцией пользуется комитет рабочих и солдатских депутатов для посылки различных радиogramм. Между прочим, по радиотелеграфу этим комитетом были переданы приказы по армии... Если радиотелеграфом будет пользоваться комитет рабочих и солдатских депутатов, то с уверенностью можно сказать, что и немцы будут посылать по своему радио сведения на русском языке, которые будут приниматься за передаваемые от этого комитета и ещё более будут волновать умы и вносить раскол в войска. Пользование радиотелеграфом для политической пропаганды недопустимо, так как это внесёт... полный разлад и шатание умов не только в пользу социалистической пропаганды, но и в обратную сторону»⁹. На опасения Ставки министерство отреагировало без промедления. 13 марта генерал А.А. Маниковский предписал командующему войсками Петроградского округа принять в ведение все станции, расположенные в пределах города и округа, обеспечить их охраной и не допускать передачи ими никаких радиogramм, кроме зашифрованных. Гучков срочно запросил у Ставки данные о том, когда и с кем переговаривалась Царскосельская радиостанция, какие тайны она разгласила.

⁶ РГВИА, ф. 811, оп. 1, д. 79, л. 32 об.

⁷ Там же, ф. 1343, оп. 1, д. 10101, л. 3.

⁸ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 739, л. 45.

⁹ Там же, л. 33—33 об.

Родер с большой настойчивостью усиливал значение своего отдела. Он взял в руки доставку правительству и Генеральному штабу перехватов иностранных радиопередач, доставлявшихся с Тверской и Царскосельской станций. Их акценты не могли остаться незамеченными. «Всеобщее внимание поглощено русскими событиями», — подчёркивалось в сообщении из Берлина 9 марта. «На этих днях можно будет иметь ясное суждение о событиях в России и выяснится окончательно, является ли русский народ сторонником войны до победного конца, как это проповедуют Милюков и Бьюкенен», — отмечало германское радио 14 марта¹⁰. Получение аналогичных текстов обеспокоило новую власть. Родер включился в поиск тех, кому могли быть выгодны нешифрованные передачи, однако никаких тайных радиостанций не обнаружил. Расследование беспрецедентных действий станций фронта и тыла вскоре зашло в тупик из-за недостатка данных о характере передач в начале марта 1917 г. и разноречивости мнений о том, как они должны действовать впредь в рамках общего улучшения постановки радиотелеграфного дела в армии.

Мартовские инциденты осветили под новым углом значение радио в жизни страны, продемонстрировали (пусть и стихийно) его силу как средства немедленного оповещения о событиях большого общественно-политического значения. Начальник Московской станции полагал, что, по примеру Петрограда, передающего политические бюллетени от имени Совета рабочих и солдатских депутатов, было бы полезным столь же капитально освещать события в Москве. В своей записке он предлагал срочно установить постоянную связь второй столицы со Ставкой, Севастополем, Архангельском, Киевом и Одессой. При этом указывалось, что общественно-осведомительная работа не повредит специальной международной службе радио, так как станция ежедневно не занята в течение 3–4 часов. Эта точка зрения часто встречается в документах по радиodelу периода марта–октября, когда стало очевидным переплетение проблем внутренней работы с вопросами международного обмена информацией, а также обозначились перспективы участия российского радио в этой сфере.

В новых министерствах сначала не сформировалось целостного взгляда на обе указанные стороны его деятельности. Военное Министерство разработало временное положение о радиотелеграфе в действующих армиях, а министерство почт и телеграфов лишь начало вырабатывать свои предложения. Большую заинтересованность проявило Министерство иностранных дел, куда в основном обращались со своими просьбами и претензиями союзники. Царскосельская станция, имевшая опыт перехвата германских радиogramм для Генштаба и представителей союзников, по просьбе английского посла ежедневно присылала радиотелеграммы «общего интереса», передаваемые английской станцией в Карнарвоне¹¹. Аналогичную просьбу французского посольства¹² с начала мая выполняла приёмная станция петроградской Офицерской электротехнической школы.

В это же время начался пересмотр отношения власти к роли радио в системе общественно-осведомительной работы. Одной из причин этого стал следующий

¹⁰ Там же, ф. 2010, оп. 1, д. 3537, л. 44, 47.

¹¹ Там же, ф. 5803, оп. 1, д. 23, ч. 1, л. 136, 189.

¹² Там же, ф. 811, оп. 1, д. 63, л. 33. Подлинник на французском языке. По ходатайству французского министра по делам вооружений А. Томá в середине мая штаб Петроградского военного округа разрешил установку во французском посольстве радиостанции для приёма газетных сведений, ежедневно передаваемых Лионом и Парижем (Там же, ф. 1343, оп. 10, д. 10103, л. 61, 64). Приём был запрещён после смены власти в октябре–ноябре 1917 г.

казус. 22 марта и 12 апреля посол Италии Карлотти выразил обеспокоенность недостатками в работе Московской станции и усилившимся нарушением её связи с приёмным пунктом в Кольтано «сильной немецкой рацией вблизи Берлина»¹³. Чтобы удовлетворить его просьбы, МИД и Генштаб командировали в Италию специалистов для изучения качества передач из Москвы и их приёма на Аппенинах. Они ознакомились с содержанием незашифрованной корреспонденции посольства, и неожиданно выяснилось, что в ней преобладают материалы из левой печати¹⁴. 30 марта на заседании Временного правительства обсуждалось ходатайство начальника Царскосельской радиостанции капитана Свирского о предоставлении ей права передавать все акты и распоряжения правительства для сведения как российских, так и заграничных станций. Кабинет поддержал это предложение¹⁵.

Предметом серьёзной озабоченности Генштаба и МИД стала организация надёжной радиосвязи со вступившими в мировую войну Соединёнными Штатами. Её технические возможности изучались российскими военными специалистами с начала 1917 г.¹⁶ 3 мая генерал П.И. Аверьянов наложил на соответствующем докладе Главного управления Генштаба (ГУГШ) резолюцию: «Полагал бы [необходимым] не дать умереть этому вопросу, а сделать всё для установления этой связи с Америкой»¹⁷. На специальном совещании в Генштабе было решено командировать 15 мая в Штаты полковника Н.Э. Муромцева с экстренным заданием ознакомиться с работой радиостанций Америки и Японии, которые могли быть полезны для установления связи с Россией, и произвести на них необходимые опыты¹⁸.

В апреле—мае 1917 г. состоялись съезды радиотелеграфистов Западного и Северного фронтов. Понимая важность своего участия в обмене новостями, оповещении солдатских масс и населения, радисты обосновывали необходимость организации центрального управления радиотелеграфом, принятия мер по ускорению доведения информации до фронтов. При этом особо отмечалась важность регулярной передачи политических новостей и объединения работы станций разных ведомств.

Временное правительство отреагировало на эти собрания и уделило серьёзное внимание организации управления связью. 6 мая было создано Министерство почт и телеграфов во главе с одним из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели; его заместителем стал Н.А. Рожков — известный историк, по тогдашней партийной принадлежности социал-демократ-объединенец. А если учесть, что в новом правительстве Военное и Морское министерства возглавил А.Ф. Керенский, получалось, что отрасль попала под влияние социалистов.

18 мая военным советом министерства было утверждено временное положение об управлении группой радиостанций международных сношений. Им регулировалась работа Царскосельской, Московской и Тверской станций, осуществлявших связь с союзными государствами и перехват радиопередач. Закрепляя важные моменты служебной субординации в данной сфере, авторы документов,

¹³ Там же, ф. 811, оп. 1, д. 79, л. 13. Подлинник на итальянском языке.

¹⁴ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4334, л. 82.

¹⁵ Там же, д. 3537, л. 68.

¹⁶ Там же, ф. 811, оп. 1, д. 66, л. 45, 140—142.

¹⁷ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4333, л. 25.

¹⁸ Там же, л. 28.

между тем, не сделали никакой попытки ответить на вопрос: что же международные станции должны были передавать в эфир?

Запутанность и многоступенчатость подчинения главных радиостанций России, закреплённые в одностороннем порядке Военным министерством, подтолкнули почтово-телеграфное ведомство к попытке воспользоваться новой обстановкой для интеграции радиотелеграфа в хозяйственную жизнь страны. 31 мая Рожков направил в Генштаб письмо, в котором подчёркивал: «По моему глубокому убеждению, едва ли найдутся достаточно веские основания, по которым стационарные радиотелеграфные установки должны быть изъяты из основных положений устава телеграфного, подчиняющего все виды телеграфных отношений ведомству почт и телеграфов. Эксплуатация этих радиостанций морским и военным ведомством может быть даже рассматриваема как отвлечение военнослужащих от их прямого военного дела и вторжение в сферу компетентности специального ведомства»¹⁹.

В письме не отрицалась необходимость радиостанций специального назначения (полевых, судовых, пеленгаторных и др.), однако утверждалось, что Царскосельская, Тверская, Московская, Кушkinsкая, Ташкентская, Хабаровская, Читинская, Владивостокская, Севастопольская, Одесская, Батумская, Николаевская станции признакам таковых не отвечают. «Принимая во внимание, что стационарные военные и морские радиотелеграфные установки обладают значительной мощностью и передачи телеграмм обходятся относительно дорого, незначительный же коэффициент использования станций повышает абсолютную стоимость обмена, следует признать, что с хозяйственной точки зрения такая постановка дела не может быть признана правильной»²⁰. Завершалось письмо заверением, что предлагаемая перестройка поможет значительно улучшить использование станций, направив через них более весомую часть общей телеграфной корреспонденции, что принесёт доход казне.

9 июня ГУГШ подготовило пространное заключение на это письмо. Основные контрдоводы опирались на традиционные для сухопутного командования суждения о технике и практике радиосвязи — например, о том, что там, где имеются проводные линии, конкуренция с ними «едва ли возможна». Высказавшись за нежелательность каких-либо перемен, ГУГШ предложило, тем не менее, запросить на этот счёт мнения Главного военно-технического управления, Морского Генштаба и Ставки.

Развитие событий, однако, внесло в решение вопросов радиотелеграфии новации, с которыми не могли не считаться указанные учреждения. Они с каждым днём всё более убеждались, что средство связи, проявившее себя в качестве эффективного канала передачи информации, не перестало интересовать ни органы власти, ни гражданское население, ни армию. Нужны были разрешающие меры, ибо общество активно политизировалось, возрастали антивоенные настроения. В особом напряжении находились солдаты, которых становилось всё труднее убеждать в необходимости новых жертв на фронте.

Во второй половине июня 1917 г. с ведома нового главы Военного министерства Керенского был подготовлен проект документа об организации использования радио для распространения сведений общественно-осведомительного характера, в котором впервые формулировалось обоснование преимуществ этого вида связи, а именно «возможно быстрое и одновременное осведомление

¹⁹ Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 739, л. 62.

²⁰ Там же, л. 62 об.

населения и войск». Назывались учреждения, наделённые исключительным правом снабжать новостями радиотелеграф: канцелярии Временного правительства и ЦИК, военный кабинет при военном министре, Петроградское телеграфное агентство и ГУГШ. Передачи должны были состояться из деклараций, воззваний и распоряжений правительства, сообщений Ставки и ЦИК, приказов военного министра, других сведений официального характера, помещаемых в газетах. Их поручалось вести Царскосельской и Московской станциям. Для расширения масштабов приёма планировалось в дополнение к уже имеющимся на территории Европейской России установить ещё 35 станций.

Главным препятствием на пути этих новаций стали выступления рабочих и солдат в Петрограде, Москве и других городах в конце июня — начале июля 1917 г., усилившаяся борьба за землю в деревне. Флотские и армейские рации не остались в стороне от событий, отразив участие в них матросов и солдат. В радиogramмы проникала не только информация о выступлениях отдельных воинских частей, но и призывы к вооружённому противодействию политике правительства. Первым на это отреагировал штаб командующего Балтфлотом, приказавший кораблям и флотским демократическим организациям прекратить использование радио для сообщений по политическим вопросам.

Начавшееся отступление от обычного порядка функционирования расценивалось армейской и флотской верхушкой как весьма нежелательный симптом. Волна радиogramм «снизу» показала, сколь опасным становилось радио в руках матросов и солдат. Критические точки зрения были сообщены 30 сентября в окончательном докладе Генштаба следующему военному министру А.И. Верховскому. Из его текста видно, что вопросы, поставленные Министерством почт и телеграфов в письме Рожкова четыре месяца назад, лишь частично получили ответы по существу. Чувствовалось, что проект реформирования радиотелеграфа, выдвинутый «штатскими», вызвал антипатию военной элиты, считавшей его по меньшей мере «несвоевременным».

Недостаточность сведений о происходящем в России вызвала неудовлетворённость в странах Антанты. 3 июля военный атташе граф А.А. Игнатъев сообщал из Парижа о том, что французский министр по делам вооружений А. Томá обратился к нему с просьбой информировать его о деятельности российской радиотелеграфной службы. Резюмируя беседу, дипломат писал: «Все наши союзники и противники пользуются радиотелеграфом в целях осведомления и пропаганды, между тем из России передаются радиотелеграммы одного итальянского посла Карлотти. [Они] подаются со станции Москва на итальянском языке клером и иногда содержат сведения, широкое оглашение которых не соответствует нашим интересам... Если пользование радиотелеграфом затрудняется недостатком специалистов, то Томá предлагает немедленно отправить в Петроград необходимый персонал. Радиотелеграммы просят передавать на французском языке на Лионскую станцию»²¹. Руководство этой работой со стороны Генштаба, считал Игнатъев, позволит оперативно использовать получаемые известия военно-осведомительным бюро в Париже, готовящим материалы для печати.

Генштаб сознавал правомерность претензий французской стороны. Дело в том, что существующее при одном из его отделов негласное телеграфное агентство «Норд-Сюд» рассылало свои ежедневные телеграммы осведомительного характера объёмом 300—500 слов по кабельным линиям только в Швецию, Данию,

²¹ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4334, л. 79.

Англию, Швейцарию и Северную Америку. Использование радио неизбежно придало бы русским сообщениям для других государств официальный характер и наложило бы на ГУГШ значительно бóльшую ответственность. Поэтому оно предложило составлять передачи по такой программе: «1) сообщения из Ставки; 2) важнейшие события (факты) и т.п.; 3) выдержки из газет, наиболее отчётливо и кратко характеризующие настроения общества и его отношение к событиям с указанием источника (названия газеты)»²². В Генштабе полагали, что передача таких сообщений, составленных «хотя и вполне правдиво, но в доброжелательном направлении», сделает излишними особые сообщения итальянского посольства.

Телеграммы предлагаемого характера могло посылать и агентство «Норд-Сюд». 17 июля начальнику группы радиостанций для международных сношений было сообщено, что, согласно приказанию начальника Генштаба, предполагается передавать кроме сообщений из Ставки также и материал осведомительного характера объёмом около 1 200 слов. Срочные шифровки для Франции и Англии сразу превысили намеченный объём, и это внесло сумятицу в установленный распорядок работы станции в Царском Селе, которая по-прежнему обеспечивала перехватами английскую миссию; французская миссия с середины июля получала газетные сведения от станций Лион и Париж через Москву. Секретный характер деятельности этого рода обеспечивался ГУГШ. 20 августа для ознакомления с работой Царскосельской станции её посетили чины контрразведки.

Информация от радиостанций союзников была полна утверждений, что обстановка в России грозит выйти из-под контроля, что страна не сможет решить своих проблем, если не примет «неизбежных репрессий» по отношению к революционным организациям. Ставка Главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова превратилась в центр подготовки решительного противодействия центральной власти, туда съезжались представители Антанты. Борьба за контроль над средствами передачи информации по мере эскалации событий становилась всё более острой. 28 августа, накануне выступления Корнилова, ряд Советов приняли экстренные меры. В Кронштадте на средства связи были назначены специальные комиссары. В Ревеле установлено дежурство матросов на телеграфе, прямом проводе и радио, категорически запрещено передавать сообщения и распоряжения не только Корнилова, но и Ставки, командующих фронтов и их штабов. В Москве на станцию был послан представитель с полномочиями «установить постоянную радиотелеграфную связь с радиостанцией Царского Села и о всех полученных радиограммах немедленно извещать Совет Р. и С. Депутатов»²³. Призывы к отпору заговорщикам передали несколько военных и морских радиостанций. В свою очередь из Ставки ночью того же дня последовал приказ прекратить действие радиостанций при всех штабах фронтов и армий. В особо спешном порядке предписывалось организовать надёжное наблюдение и охрану на всех станциях, задерживать телеграммы, направленные против командования.

Керенский в последний момент, как известно, отмежевался от Корнилова и объявил Петроград на военном положении. Ряд его грозных предписаний последовал по радио. Однако вскоре он был напуган огромным количеством выходов радиостанций в эфир с призывами к вооружённой борьбе с мятежниками. 3 сентября Генштаб по поручению премьера составил текст срочной радиограммы, переданный непосредственно на Царскосельскую, Московскую, Тверскую

²² Там же, л. 83 об.

²³ Там же, ф. 5801, оп. 1, д. 46, л. 112.

станции, начальнику морского Генштаба, в Ставку и начальнику Офицерской электротехнической школы. В ней говорилось: «Министр-председатель и Главноверх категорически требует немедленного проведения в жизнь его приказа-ния о запрещении передачи всяких сообщений по радиотелеграфу, касающихся армии и флота во всех отношениях, а равно прекратить передачу и сообщений о политической обстановке страны. Об исполнении министр-председатель ожидает донесения сегодня же... непосредственно на его имя»²⁴.

Любопытно, что в этот же день в ГУГШ поступило донесение о том, что 1 сентября бывший управляющий Военного министерства Б.В. Савинков лично отдал распоряжение штабс-капитану Короткевичу узнать о расположении в столице неправительственных радиостанций. Савинкова интересовало, какие станции внутри Петрограда могли быть предназначены для пропаганды позиции большевиков. Предполагалось в первую очередь обратить внимание на аппаратуру радиотелеграфного завода «Сименс и Гальске» и завода Русского общества беспроволочных телеграфов и телефонов.

Работа радиоустройств в дни Корниловского выступления стала предметом внимательного изучения военного и почтово-телеграфного министерств. В Ставке был сделан вывод о необходимости впредь не делить вопросы управления радиотелеграфом на чисто технические и технико-организационные. 27 сентября при Верховном главнокомандующем был создан отдел службы радиотелеграфа в действующей армии, начальнику которого подчинялись заведующие радиотелеграфами фронтов, радиотелеграфные отделения на местах, станция Ставки.

Новый важный повод обсудить перспективы развития радиосвязи военным и гражданским ведомствами дал запрос французского посольства, по-видимому, в продолжение июльской беседы Тома и Игнатьева: какими принципами предполагает руководствоваться русское правительство в отношении постройки мощных радиостанций после войны, намерено ли оно строить их исключительно на средства казённые или имеется в виду допустить к участию в этом деле и частную инициативу? 6 сентября Игнатьев сообщил, что французское правительство согласилось поставить России две станции, аналогичные установленным в Париже на Эйфелевой башне и в Лионе и устанавливаемым в Нанте и Риме²⁵.

Обсуждая 30 сентября перспективы, оба ведомства единодушно высказались за то, чтобы радиотелеграф и впредь оставался «правительственной регалией». Военное ведомство уточняло: привлечение частных лиц к устройству новых станций, даже подконтрольных правительственным органам, опасно. Так же дружно они пришли к мнению, что существующая радиосеть почти что достаточна для надобностей как международной, так и внутренней связи — необходимо лишь связать воедино восточносибирские и среднеазиатские станции с европейскими путём достройки двух станций в Красноярске и Баку. Основываясь на этом выводе, представители военного ведомства считали, что строить новые мощные станции на казённые средства после войны вряд ли целесообразно. О возможности развивать частную инициативу, особенно в северных и восточных районах, мнения разделились. Своё согласие с допуском частного капитала выразил генерал В.В. Марушевский, оговоривший это условием: «Каждая станция с ведома и разрешения Военного министерства»²⁶.

²⁴ Там же, л. 95. О выполнении этого приказа см.: Там же, ф. 2003, оп. 1, д. 739, л. 81; ф. 5801, оп. 1, д. 73, л. 325—327.

²⁵ Там же, ф. 811, оп. 1, д. 14, л. 78.

²⁶ Там же, ф. 2000, оп. 1, д. 4334, л. 114—114 об.

Повышенный интерес к будущему русского радио обнаружился и в Великобритании. 9 октября управляющий отделом печати МИД сообщил ГУГШ, что поверенный в делах в Лондоне уведомил о появлении там проекта организации частного агентства, охватывающего все виды и средства осведомительной деятельности. Оперативную передачу известий агентство намеревалось производить по радио. «Инициаторами этого дела являются лица, пользующиеся полным доверием посольства и деятельность которых была всегда высокопатриотична», — подчёркивалось в письме МИД. Среди инвесторов упоминалась фирма Маркони, выразившая согласие технически обеспечить бесплатную передачу русских сообщений для печати в Англию, Францию, Италию и другие страны при условии разрешения таких передач правительством России через какую-либо из её мощных станций. Также фирма обещала бесплатно передавать информацию для печати из Англии в Россию. «Изложенные выше предложения, — говорилось в письме, — всецело совпадают с усилиями Министерства иностранных дел всемерно оживить и развить нашу осведомительную работу, в чём чувствуется самая острая необходимость. Как наши союзники, так и воюющие с ними государства давно уже осознали всю важность осведомительного дела и создали уже с целью наилучшей её постановки огромные организации с многочисленным штатом служащих и большим бюджетом. Особенно большие приготовления делаются в этой области в расчёте на время после войны и представляется крайне необходимым, чтобы Россия своевременно обратила внимание на серьёзную постановку дела путём содействия агентству независимо от иностранного влияния»²⁷.

В последний раз перед октябрьскими событиями дебаты о радио прошли 13 октября в Министерстве почт и телеграфов. Представители Генштаба, рассматривая проект постановки осведомительной работы, высказали мнение о недопустимости таких передач в военное время. Несмотря на их важное общественное значение, они могли оказаться интересным материалом для противника, извлекающего из перехватов сведения об истинном политическом и экономическом положении государства. Политическое управление Военного министерства не согласилось с этой позицией, считая желательным осведомлять армии и печать при помощи радио (при непрременной цензуре всего передаваемого). Министерство почт и телеграфов, как и прежде, считало специальную военную цензуру ненужной, поскольку полагало, что «радиотелеграфные станции Военного министерства в деле осведомления населения должны играть роль технического средства и только»²⁸.

Обсуждавшийся на совещании проект в целом получил одобрительную оценку Министерства почт и телеграфов, считавшего, что «важное значение и срочный характер проекта осведомительной работы по радио крайне желательны в связи с приближением срока созыва Учредительного собрания». Документ понравился почтово-телеграфному ведомству тем, что в нём отразилось его сопротивление упорной экспансии военной связи. Критикуя текст, оно указывало, что совершенно не предусматривается участие в деле Петроградского телеграфного агентства. Это возражение успеха не имело, 19 октября генерал Марушевский наложил на докладе резолюцию: «Полагал бы возможным, раз политический отдел Военного министерства находит это необходимым, производить передачу сведений общественно-осведомительного характера, *но при непрременном условии предварительной цензуры* (выделено в документе. — Н.М.), причём

²⁷ Там же, л. 134–134 об.

²⁸ Там же, л. 153 об.

последняя должна кроме оценки сведений с цензурной точки зрения ещё считаться с тем, желательно ли, чтобы противник о том или ином факте узнал немедленно, при нежелательности этого явления, хотя бы содержание передаваемой радиogramмы и не подходило под перечисленный перечень воспрещённых к передаче сведений, сделать необходимые сношения для выработки окончательного текста»²⁹. В соответствии с этой позицией Генштаб приступил к постановке нового дела. Был тотчас послан запрос об объёме передач Царскосельской и Московской станций и о неиспользованных возможностях межсоюзнической радиосвязи³⁰. 22 октября председателю Главной военно-цензурной комиссии было дано указание принять участие в доработке итогового документа.

Со сменой власти в октябре 1917 г. резко изменился и подход к использованию радиосвязи. Если ранее она применялась главным образом в узкопрактических целях, то теперь оказалась действенным средством быстрого распространения актуальной политической информации. Петроградский ВРК подробно интересовался организацией радиопропаганды, уже 25–26 октября были назначены специальные комиссары по радиотелеграфу (С.Г. Лебедев и И.Е. Коростовский)³¹. Передача экстренных сообщений, боевых приказов, декретов нового правительства стала повседневным делом Царскосельской станции, «Новой Голландии» и других, перешедших под контроль большевиков. Сигналы передатчиков Петрограда многократно повторялись армейскими и корабельными рациями.

Непрерывность поступления политической информации выдвинула радио в число действенных каналов влияния на общественное мнение. Особое значение оно приобрело потому, что сильно сократилась пропускная способность проводного телеграфа, на которую влияли его частая неисправность и саботаж. Газеты опаздывали, военный и железнодорожный телеграф зачастую находились под контролем ещё не определившихся сил. Именно по текстам радиосообщений впервые узнавали о свержении Временного правительства. О степени их воздействия можно судить по реакции на приказ Петроградского ВРК, переданный Царскосельской радиостанцией 26 октября в час ночи³². Комиссар 10-й армии Пасечный указывал: «Революционный комитет бунтовщиков выпустил радиотелеграфное сообщение, которое необходимо, как не соответствующее действительности, не выпускать из своих рук. Вообще прошу очень внимательно и осторожно проверять таковые, ибо у мятежников иного средства сношения нет»³³. Уже в эмиграции ему вторил Керенский, не забывший сильных ощущений, связанных с этой и другими радиотелеграммами: «Захватив здание главного телеграфа в СПб и самую в России могущественную Царскосельскую радиостанцию, г.г. большевики стали немедленно рассылать по всему фронту свои воззвания о мире... Необходимо было попытаться разорвать все связи между петербургскими большевиками и фронтом, остановить поток пропаганды, растекавшейся повсюду по проводам и приёмникам правительственного телеграфа и радио. Через 8–10 дней было бы уже поздно»³⁴. Радиogramмы с приказами ВРК немедленно

²⁹ Там же, л. 142.

³⁰ Там же, л. 136.

³¹ Петроградский ВРК. Документы и материалы. Т. 1. М., 1966. С. 119, 135–136, 440; Т. 2. М., 1966. С. 307–308; Т. 3. М., 1966. С. 90–91.

³² Там же. Т. 1. С. 107–108.

³³ Красный архив. 1927. № 4(23). С. 154.

³⁴ Керенский А.Ф. Издалека: Сборник статей (1920–1921). Париж, 1922. С. 211.

передавались во все районы по телефону, и здесь можно обоснованно процитировать советских исследователей: так вносилась ясность в важнейший вопрос дня — следует ли большевикам на местах брать власть в свои руки немедленно или надо дожидаться каких-то указаний. Ответ был однозначен: нельзя допускать проволочки, не следует вязываться в переговоры, решать всё надо силой³⁵.

Высокая общественно-политическая значимость радиogramм ставит вопрос о необходимости их комплексного изучения при помощи инструментария специальных дисциплин исторической науки — источниковедения и археографии. На основе коллекции радиотелеграфных журналов с привлечением других материалов РГАВМФ, ГА РФ, РГВИА мною была проведена реконструкция эфира указанного периода, включающая более 5 тыс. текстов³⁶. Предполагалось установить — не только по имеющимся радиogramмам, но и по другим свидетельствам, — какие именно тексты составляли его содержание; уяснить степень широты распространения каждой радиogramмы, имея в виду количество как её передач, так и зафиксированных приёмов; для каждой радиogramмы установить время её первой и последующих передач; обнаружить разнородные связи между радиogramмами, имеющие значение для последующего проблемного рассмотрения исторического материала, заложенного в текстах.

Роспись радиogramм в хронологическом порядке, проводившаяся по подлинным документальным материалам, выявила немало фактов использования в их роли известных в исторической литературе документов. В их числе воззвание Центробалта от 29 октября 1917 г. с призывом защитить революцию³⁷. Были обнаружены подлинники, неизвестные или знакомые ранее только по записям радистов, например, приказ Петроградского ВРК по действующим армиям от 28 октября 1917 г.³⁸, радиogramма Наркомвоена в Ставку 4 ноября 1917 г.³⁹

В условиях, когда тесно сплетающиеся проблемы внутренней и внешней политики должны были решаться наиболее быстрым и радикальным образом, в полный рост встала задача устранения влияния Ставки, распространяемого с помощью разнообразных средств связи, находившихся в ведении армии или противников большевиков. Потенциал таких средств ещё был значителен, что неоднократно отмечалось в источниках и литературе. Об одной из первых мер в этой области свидетельствует радиogramма Наркомата по военным и морским делам (Наркомвоена) Верховному главнокомандующему генералу Н.Н. Духонину, переданная через радиостанцию Морского Генштаба⁴⁰. Она обращает на себя внимание подлинными подписями руководителей наркомата Н.И. Подвойского, Н.В. Крыленко и В.А. Антонова-Овсеенко. Судя по небольшой правке, которой подвергся машинописный текст, его редакцию осуществил последний. Пометка радиста А. Юрцева свидетельствует, что текст был передан им 4 ноября 1917 г. около 11:15. Указанное время, по-видимому, обозначает момент подтверждения приёма текста радиостанцией Ставки, так как в радиотелеграфных журналах

³⁵ Грунт А.Я. Москва 1917-й: революция и контрреволюция. М., 1976. С. 307–308.

³⁶ О первоначальных результатах см.: Митрофанов Н.Н. Радио Октября. День за днём... М., 1980.

³⁷ Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. М., 1957. С. 565–566. Датировка документа уточнена по радиожурналу линкора «Севастополь» (РГАВМФ, ф. р-58, оп. 2, д. 431, л. 88 об.). См.: Исторический архив. 1957. № 5. С. 93–94.

³⁸ РГАВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 1, л. 20–21.

³⁹ Археографический ежегодник за 1975 г. М., 1976. С. 342–345.

⁴⁰ РГАВМФ, ф. 342, оп. 1, д. 1, л. 46.

крейсеров «Богатырь» и «Адмирал Макаров», стоявших на рейде Ревеля, зафиксировано и более раннее время приёма — 10:50⁴¹.

На этом обращении следует остановиться подробнее, поскольку оно отразило сущность вопросов, находившихся 3 и 4 ноября в центре внимания руководителей большевиков: например, немедленное требование прекратить движение войск на Петроград и Москву. Утром 4 ноября такое требование могло быть предъявлено штабу Главверха только по радио. Это не означает, что средства проводной оперативной связи были неисправны. «Прямая телеграфная связь Ставки с Петроградом с 26 октября прекратилась, — указывал в рапорте начальник связи Ставки полковник Б.Н. Сергеевский. — Накопившиеся в громадном количестве в полевой телеграфной конторе № 113 депеши, адресованные в Петроград за неимением обходных путей в течение последних дней остаются переданными и будут пересланы в Петроград почтой»⁴². В этот же день в 12:20 Сергеевский телеграфировал в штаб Кавказского фронта: «Петроградом связи нет. Телеграммы союзных представителей Ставке также не передаются»⁴³. Дело в том, что переход к контролируемой связи с фронтами и экстренная организация сети комиссаров при полевых конторах, которой с 3 ноября занялся Петроградский ВРК⁴⁴, ещё не давали руководителям Наркомвоена возможности воспользоваться обычным видом военной связи. Внутренний караул на прямом проводе в ГУГШ был снят 4 ноября в 15 час. В 21 час появилась связь Ставки с Петроградом и состоялся разговор между дежурным Генштаба и Сергеевским⁴⁵.

«В переговорах по прямому проводу с Духониным Комиссия по военным делам неоднократно и настойчиво требовала от него немедленного подчинения Рабоче-крестьянскому правительству», — подчёркивал в своих воспоминаниях Н.И. Подвойский⁴⁶. О характере развития дальнейших событий подробно известно. Ленин предписал Духонину предложить перемирие всем воюющим державам. Главверх подчиниться отказался и был смещён, Ленин и Крыленко обратились по радио к революционным солдатам с призывом «взять дело мира в свои руки».

В начале ноября 1917 г. крупнейшие западные радиостанции всё чаще выходили в эфир, пытаясь определиться с размерами и тоном информационно-политических комментариев, посвящённых событиям в России. Одной из центральных тем явилась критика стремления новой власти, подозреваемой в прогерманской ориентации, выйти из мировой войны. Напротив, передачи германских радиостанций становились нескрываяемо сочувственными и проникнутыми симпатиями к намерениям миролюбивых большевиков. Естественно, что немногочисленные дипломаты советского призыва на их фоне всё более раздражённо воспринимали любые мнения политиков и журналистов стран Антанты.

Особое негодование вызывали радиотелеграммы Парижа. Уже в одной из первых, посланных 23 ноября станцией Эйфелевой башни от имени Русского осведомительного бюро, прозвучали обвинения новой власти в предательстве

⁴¹ Там же, ф. р-212, оп. 1, д. 10, л. 39; ф. р-58, оп. 2, д. 343, л. 155 об.—156 об. В радиотелеграфном журнале линкора «Севастополь» обнаружена вечерняя передача радиogramмы с «Новой Голландии» с началом в 20:43 (Там же, ф. р-58, оп. 2, д. 431, л. 112 об.).

⁴² РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 745, л. 13.

⁴³ Там же, л. 15.

⁴⁴ Петроградский ВРК. Т. 2. С. 99—100.

⁴⁵ РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 745, л. 118—121.

⁴⁶ Борьба за мир в ноябре 1917 г. / Публ. и коммент. А.П. Кладта // Исторический архив. 1957. № 5. С. 146—160.

союзников, интересов революции и мировой демократии в связи с началом мирных переговоров большевиков с Германией. Приводилось мнение «крайне социалистической» газеты «Ле пипл»: Ленин забыл о пропасти, отделяющей интересы Вильгельма и его империалистической клики от интересов международного пролетариата. С помощью большевиков Германия задушит Россию — заключали авторы сообщения. На следующий день появился текст, отличавшийся ещё более резкой лексикой: «Не дожидаясь Учредительного собрания, поддерживаемые германскими империалистами и агентами старого режима фанатики максимализма и свора политических авантюристов спешат заключить сепаратное перемирие с немцами. Лучшие и испытанные борцы за свободу в республиканской Франции призывают к русскому народу и предостерегают его от страшной западни».

Ссылки на авторитеты оказывались весьма важны для радио Старого и Нового света, которое могло беспрепятственно транслировать идеи и мнения, почерпнутые из прессы. Комментируя интервью британского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа в свежем выпуске «Журналь де деба», радиотелеграмма Парижа 11 декабря утверждала: «Цели войны французского народа и революции в России — одни и те же. Французское общественное мнение продолжает высказывать русской демократии глубокую симпатию и резко осуждает деятельность Ленина». 19 декабря прозвучал важный «внутренний» акцент: «Оппозиция в рядах русских социалистов против политики Ленина—Троцкого сильнее, чем это позволяет предположить террористическая цензура большевиков». 20 декабря отмечалось: «Недоумение вызывает ход переговоров в Бресте и крайняя уступчивость русских». 24 декабря всё время работы главного французского передатчика на радиостанции России было посвящено переговорам в Брест-Литовске. Документ наполнен разочарованием и упрёками: «Мы знаем, что весь русский народ жаждет мира, но он, наверное, желает почётно́го мира, и он нисколько не расположен отвергать Францию, чтобы подчиниться капризам Вильгельма».

Сугубое внимание французским радиотелеграммам на русском и других языках уделил глава внешнеполитического ведомства Л.Д. Троцкий. Днём 4 декабря 1917 г. от его имени на станцию «Новая Голландия» доставили срочную радиотелеграмму, текст которой был впервые скреплён печатью НКВД и снабжён указанием: «Для передачи по радио. Всем, всем, всем и за границу»: «Парижский телеграф источает из себя ежедневно волны клеветнических сообщений о русской политической жизни и её деятелях... Причём о товарищах Ленине и Троцком говорит не иначе, как об агентах германского правительства. Радиотелеграф Французской республики предоставляет себя неизменно в распоряжение этой заборной литературы. Клеветническая работа радиотелеграфа г-на Клемансо производится сразу на русском языке, очевидно, для того, чтобы проложить себе прямой путь к сердцу русского народа... Но сейчас радиотелеграфные станции находятся в руках солдат, рабочих, вообще честных людей. Они относятся с спокойным презрением к наглым призывам “Страхнуть с себя диктатуру банды изменников, преступников и обманщиков”, а именно такие призывы к русскому народу перебрасывает ежедневно радиотелеграф г. Пуанкаре и Клемансо. Нынешний глава французского правительства, призванный на этот пост волею союзной биржи, тем легче верит в продажность вождей могущественной революционной партии, что у самого г. Клемансо в прошлом имеется скандальная прикосновенность к Панаме. Но передовые русские солдаты, рабочие и крестьяне слишком близко наблюдают работу Совета Народных Комиссаров, слишком

хорошо знают личную жизнь старых революционеров... чтобы клевета газетных илотов могла произвести на них какое-либо впечатление. Единственное чувство, какое у них может вызвать работа радиотелеграфа г. Клемансо, это чувство глубочайшего презрения»⁴⁷.

Достаточно объёмная история полемики Троцкого с анонимными французскими радиопропагандистами в декабре 1917 г. не могла никого прежде заинтересовать, поскольку для этого требовались как минимум программа поиска необходимых текстов обоих лагерей и значительные ресурсы времени для выявления разнообразных источников по теме. Некоторые данные, отразившие первые усилия советских ведомств по налаживанию контрпропаганды по радио, нашли место в научно-методической и популярной литературе, издававшейся в основном при поддержке Гостелерадио СССР. Однако, как правило, наиболее качественные исследования были посвящены позднейшим периодам отечественной истории.

К особой категории телеграмм в упомянутом хронологическом своде относятся шифровки кораблей, чьи судовые комитеты стремились всемерно помогать большевикам, готовы были к немедленным активным действиям против любых противостоящих им сил. Радиограммы «Авроры», «Амура», «Зари Свободы» и других позволяют выявить детали событий, механизм реализации максималистских программ, обстоятельства мобилизации вооружённых сил. Часть радиотелеграфных журналов впоследствии не попала в профильную коллекцию ЦГАВМФ (РГАВМФ), что затрудняло исследование некоторых важных моментов развития революции. Историки и архивисты уделили немало времени и сил их поискам. В частности, высказывалось мнение, что многие материалы крейсера «Аврора», по-видимому, находились в личном распоряжении его бывшего машинного старшины, заместителя начальника Морских сил РККА П.И. Куркова, и были изъяты при его аресте в 1937 г. Стоит отметить также, что расшифровка выявленных текстов в ряде случаев оказывалась непосильной даже для специалистов⁴⁸.

Рассмотрение специфических черт исходящих и входящих радиограмм как разновидностей исследуемого источника, находящихся в определённом единстве, имеет большое значение в изучении событий рассматриваемого временного промежутка. Основа исходящей радиограммы — текст, который поступал на радиостанцию в виде рукописи, машинописи, телеграфной ленты, телефонограммы, газетного материала, радио. Многие тексты, специально предназначенные для беспроволочного телеграфа, в печать не шли, поскольку затрагивали вопросы внутриведомственного свойства, имели локальное значение для подразделений армии и флота. Значительную часть открытых радиограмм составляли документы официального характера и актуального значения. Радио служило каналом незамедлительного распространения, помогая этим текстам достичь самых отдалённых территорий страны и зарубежья.

Как показывает практика выявления исходящих радиограмм, наибольший интерес вызывают тексты с автографами и резолюциями, позволяющими установить авторство и степень участия тех или иных исторических фигур в передаче

⁴⁷ РГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 1, л. 46.

⁴⁸ В результате дешифровки ряда радиотекстов, хранившихся в РГАВМФ, в научный оборот, например, только в 1960 г. вошла радиограмма от 13 июня 1918 г. за подписью В.И. Ленина и Я.М. Свердлова о немедленном потоплении судов, базировавшихся в Новороссийске (Исторический архив. 1960. № 2. С. 39–40).

текста по беспроволочному телеграфу. Известны радио с собственноручными пометками В.И. Ульянова (Ленина)⁴⁹, Я.М. Свердлова⁵⁰, Г.В. Чичерина⁵¹, В.А. Антонова-Овсеенко⁵², Л.М. Карахана, В.Д. Бонч-Бруевича, Н.И. Подвойского, И.И. Вахрамеева и др. К сожалению, многие первоначальные (подлинные) радиogramмы до нас не дошли, и это ставит перед историками ряд непростых вопросов, связанных с выбором наиболее достоверного и исправного текста. Иногда приходится изучать все варианты радиотелеграммы (как, например, при подготовке текста «Радио Совета Народных Комиссаров 30 октября 1917 г.»⁵³). В ходе текстологической работы с радиogramмами возникает вопрос о двойственности понятия оригинала в том случае, если исходящий текст отражён в принятой с разночтениями, которые могут быть весьма значительными. Наглядное свидетельство тому — вышеупомянутый приказ Петроградского ВРК от 26 октября, передававшийся Царскосельской станцией и другими рациями в течение суток, и его «двойник», опубликованный листовкой в Москве⁵⁴. Московский текст оказал большое влияние на ход событий во второй столице, где он для читавших его являлся оригиналом. Бесспорно, публикацию таких оригиналов второго порядка следовало бы и впредь сопровождать соответствующими комментариями, указывающими не только на «протограф», но и на роль публикуемого радио. Во всяком случае, неприемлемо выдавать принятый текст за переданный (а такие примеры имеются).

Встречается ещё один способ варьирования текста исходящего радио — добавление к нему актуального призыва, вставка новых сведений, производившаяся, вероятно, и самими радистами. Так, в разгар борьбы с частями Керенского—Краснова уже известные радиogramмы дополнялись словами: «Солдаты фронта! Приглашаем вас не питать никакого доверия к тем радиogramмам, которые рассылает Керенский, похваляющийся мнимыми победами и обманывающий народ. Берите радиотелеграфные станции под ваш контроль»⁵⁵.

Отдельные радиogramмы рождались от соединения двух и более текстов, известных порознь в качестве самостоятельных. Исследование и публикация подобных радиogramм невозможны без указания на их первооснову. Нарушение этого правила может привести к некритическому восприятию содержания, к появлению в литературе искажённых текстов. Так, Б.А. Шерстнёв приводит со ссылкой на архив радиogramму от 26 октября, состоящую из двух постановлений II Всероссийского съезда советов, в текстах которых имеются разночтения с опубликованными оригиналами⁵⁶.

К числу уникальных относится эпизод, героем которого явился А.И. Чиби-сов (Яшков) — радист Царскосельской станции, захваченной казаками. Он сумел

⁴⁹ Красная летопись. 1926. № 6(21). с. 35. Факсимиле автографа.

⁵⁰ РГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 1, л. 79–79 об.

⁵¹ Там же, оп. 2, д. 401, л. 166; д. 827, л. 2, 10.

⁵² Там же, д. 408, л. 37.

⁵³ Проблемы архивоведения и истории архивных учреждений. Л., 1970. С. 197–198.

⁵⁴ Факсимиле листовки см.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия. М., 1977. С. 355.

⁵⁵ РГАВМФ, ф. р-342, оп. 1, д. 1, л. 24; р-58, оп. 2, д. 754, л. 127 об. Эти вставки появились в радиотелеграммах 30 октября около 19 час., по-видимому, из текста обращения Петроградского ВРК (Октябрьская революция и армия М., 1973. С. 27–28).

⁵⁶ Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. С. 433, 434. Время начала передачи названной радиogramмы — 10:00 (РГАВМФ, ф. р.-58, оп. 2. д. 121, л. 162), а не 13:23, как указано в работе Шерстнёва.

избежать контроля дежурного офицера и дважды передал в эфир фразу: «Всем. Не обращайтесь на эти воззвания», показав, что его заставляют передавать враждебный текст. Естественно, что такое «предисловие», зафиксированное 29 октября в радиожурналах эсминца «Украина» в 22:15 и линкора «Гангут» в 22:21, является оригиналом⁵⁷.

Перечень исходящих радиোগрам не даёт оснований говорить, что взятые на учёт тексты стали достоянием всех приёмников. Выводы о ценности переданной радиোগраммы как источника можно делать только тогда, когда решена двуединая задача: проанализирован её текст и установлены точные данные о его приёме той или иной частью радиосредств. Входящие радиোগраммы на крупных станциях записывались слухачом, как правило, начерно, поскольку даже умелый радист порой не успевал точно и без пропусков воспроизводить текст, передаваемый его квалифицированным коллегой. Основные тексты — главным образом германские сводки с фронтов, обзоры европейской прессы — размножались на машинке и пересылались в ГУГШ, в Смольный, а впоследствии в Кремль. Судя по архивным материалам и воспоминаниям радистов Ф.И. Казакова, В.С. Мельникова, Ф.Я. Марка, М.Я. Скибина и др., приём иностранного текста (и даже передача его!) часто велась радистом, не знавшим другого языка, кроме родного — он просто воспроизводил по азбуке Морзе отдельные буквы русского алфавита, совпадавшие с аналогичными в латинском. Принятую таким образом депешу перепечатывал на машинке тот, кто владел тем или иным европейским языком. Перепечатка радиোগрам велась на специальных бланках. Известны тексты на бланках Царскосельской, Московской станций, радиостанции Ставки (за октябрь—ноябрь 1917 г. последних обнаружено около 30). Текст иногда скреплялся печатью. Так, при ознакомлении с подлинником принятой 31 октября радиোগраммы печать комитета Преображенского телефонно-телеграфного завода инженерного ведомства указывает на неизвестный доселе пункт приёма радиотекстов в Москве⁵⁸.

Изучение корабельных радиожурналов показывает, что в них, иногда в немалом количестве, зафиксированы тексты, не адресованные данному судну. Между тем в важных телеграммах нередко пропуски. Причина их зачастую объясняется записью радиста о возникших помехах искусственного или естественного происхождения, поломке аппаратуры и проч.⁵⁹ Установить причины искажений текста сложнее. По-видимому они объяснялись недостаточной квалификацией радиста-слухача (иногда он даже «подстраивал» ряд слов под общий смысл).

Важным достоинством радиোগрам является их точнейшая (до минуты) датировка, производившаяся радистами на передатчиках и приёмниках. Даже в случае отсутствия записи в журнальной графе «время» необозначенный хронологический отрезок определялся с большей или меньшей точностью по соседним датированным текстам. Более того, четырёхзначный номер депеши, завершавший её текст, часто обозначал часы и минуты передачи радиোগраммы. Например, радиোগрамма крейсера «Олег», полученная на «Кречете» 28 октября 1917 г. в 11:27, имела № 1120, ссылаясь на который адмирал И.И. Развозов протестовал против приказа Центробалта о выходе крейсера в Петроград⁶⁰; исходя из этого, можно заключить, что путь указанной депеши занял всего 7 минут.

⁵⁷ РГАВМФ, ф. р-58, оп. 2, д. 457, л. 50; д. 369, л. 19.

⁵⁸ ГА РФ, ф. 1, оп. 1, д. 13, л. 7; Документы Великой революции. Т. 2. М., 1948. С. 162.

⁵⁹ РГВИА, ф. 803, оп. 1, д. 45, л. 44, 121, 138.

⁶⁰ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1957. С. 304.

Работа с хронологическими реалиями даёт возможность установить последовательность текстов и одновременно получить представление об интенсивности передач, времени их прохождения до адресата. Невнимание к этим вопросам оборачивалось иногда грубыми ошибками публикаторов и историков. Был неверно выбран, датирован и прокомментирован текст радиограммы комиссара Центробалта К.П. Свиридова от 25 октября 1917 г.⁶¹ С неверной датой – 20 октября – в ряд сборников вошла неоднократно повторявшаяся 29 октября, начиная с 11:35, радиограмма Центробалта в Кронштадт и Петроградский ВРК о необходимости улучшения контроля над почтово-телеграфными учреждениями⁶².

Пожалуй, самый сложный вопрос – широта распространения радиограмм. Речь идёт не только о системе «передатчик-приёмник», но и о дальнейшем распространении информации через иные средства связи как технического, так и социального характера. По некоторым данным, воздействие советского радио оказывалось достаточно масштабным. Например, 10 ноября 1917 г. на заседании ВЦИК Ленин говорил: «Мы имеем сведения, что наши радиотелеграммы доходят в Европу. Так, наша радиотелеграмма о победе над Керенским была перехвачена австрийским радиотелеграфом и передана. Германцы же посылали встречные волны, чтобы задержать её. Мы имеем возможность сноситься радиотелеграфом с Парижем, и когда мирный договор будет составлен, мы будем иметь возможность сообщить французскому народу, что он может быть подписан и что от французского народа зависит заключить перемирие в два часа»⁶³.

Изучение радиограмм этого периода, хоть и сохранившихся далеко не в полном объёме, показывает, насколько оперативной и разнообразной была реакция на события революционного кризиса⁶⁴. «Радио сослужило первую службу большевикам, сплотивши солдат и рабочих-железнодорожников для того, чтобы не допустить переброску войск с фронта на Петроград»⁶⁵. На заседаниях Петросовета регулярно сообщалось о свежих новостях, принятых столичными станциями, тут же возникали спонтанные комментарии, касающиеся содержания и направленности работы европейских передатчиков, давались оценки их эфирам. Меру своего участия в использовании столь удобных для полемической расшифровки текстов всё настойчивей искала печать. Под рубрикой «Радиосообщения» стали регулярно печататься радиограммы в сочетании со срочными телеграммами Петроградского телеграфного агентства (в частности, этим на первых порах были особенно озабочены «Новая жизнь», «Дело народа»). Непрерывность поступления политической информации по радио быстро выдвигала это средство связи в число действенных каналов воздействия на общественное мнение. На рубеже 1917–1918 гг. начали развиваться качественные черты, которые позволяли говорить о радио как о новом средстве информации.

⁶¹ Об участии военных моряков в Великой Октябрьской социалистической революции. Обзор фондов ЦГАВМФ СССР. Л., 1969. С. 58–59.

⁶² Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде. С. 225; Петроградский ВРК. Т. 1. С. 57. Ссылки на неверно датированную радиограмму см.: *Измайлов Н.Ф., Пухов А.С.* Центробалт. М., 1967. С. 180. Основанием для правильной датировки служат радиожурналы штаба 1-й бригады линкоров, крейсеров «Диана», «Россия», дневник И.И. Ренгартена (РГАВМФ, р-852, оп. 1, д. 13).

⁶³ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. М., 1974. С. 85–86.

⁶⁴ Информация об этом и сделанные на её основании выводы частично см.: *Митрофанов Н.Н.* Радиограммы как источник по истории Великого Октября // Советские архивы. 1982. № 1. С. 12–18.

⁶⁵ *Подвойский Н.И.* Год 1917. М., 1958. С. 121. См. также: *Рид Д.* Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 133–134.